

ГЛАВА III.

"Он собирается открыть глаза. Пусть сначала он увидит только одного из нас."

"Тогда пообещай мне, что ты ему не скажешь".

Первый голос принадлежал мужчине, второй - женщине, и оба говорили шепотом.

"Я посмотрю, как он выглядит", - ответил мужчина.

"Нет, нет, обещай мне", - настаивала женщина.

"Пусть она поступает по-своему", - прошептал третий голос, тоже женский.

"Хорошо, хорошо, тогда я обещаю", - ответил мужчина. "Быстро, вперед! Он выходит из этого состояния".

Послышался шорох одежды, и я открыла глаза. Красивый мужчина лет шестидесяти склонился надо мной, на его лице было выражение большой благожелательности, смешанной с большим любопытством. Он был совершенно незнакомым мне человеком. Я приподнялся на локте и огляделся. Комната была пуста. Я, конечно, никогда раньше не был обставленной подобным образом. Я оглянулся на своего спутника. Он улыбнулся.

"Как ты себя чувствуешь?" - спросил он.

"Где я нахожусь?" - потребовал я.

"Ты в моем доме", - последовал ответ.

"Как я сюда попал?" - спросил я тревожно.

"Мы поговорим об этом, когда ты восстановишь силы. А пока, я прошу вас, не беспокойтесь. Вы среди друзей и в хороших руках. Как вы себя чувствуете?"

"Немного странно, - ответил я, - но, полагаю, со мной все в порядке. Не расскажете ли вы мне, как я оказался в долгу перед вашим гостеприимством? Что со мной случилось? Как я сюда попал? Я лег спать в своем собственном доме".

"Позже у нас будет достаточно времени для объяснений", - ответил мой неизвестный хозяин с ободряющей улыбкой. "Будет лучше избегать волнующих разговоров, пока вы немного не придете в себя. Не окажете ли вы мне услугу, сделав пару глотков этой смеси? Это пойдет вам на пользу. Я врач."

Я оттолкнул стакан рукой, так как все еще опасался, и сел на диване, хотя и с усилием, потому что голова у меня была странно легкой.

"Я настаиваю на том, чтобы немедленно узнать, где я нахожусь и что вы со мной делали", - сказал я.

"Мой дорогой сэр, - ответил мой спутник, - позвольте мне просить вас не волноваться. Я бы предпочел, чтобы вы не настаивали на объяснениях так скоро, но если вы это сделаете, я постараюсь удовлетворить вас, при условии, что вы сначала примете этот напиток, который несколько укрепит вас."

После этого я выпил то, что он мне предложил. Затем он сказал: "Это не так просто, как вы, очевидно, предполагаете, чтобы рассказать вам, как вы сюда попали. Вы можете рассказать мне по этому поводу ровно столько же, сколько я могу рассказать вам. Вы только что пробудились от глубокого сна или, правильнее сказать, транса. Я так много могу вам рассказать. Вы говорите, что были в своем собственном доме, когда провалились в этот сон. Могу я спросить вас, когда это было?"

Я ответил: "Когда? Ну, вчера вечером, конечно, около десяти часов. Я оставил своему человеку Сойеру распоряжение позвонить мне в девять часов. Что стало с Сойером?"

"Я не могу точно сказать вам этого, - ответил мой спутник, глядя на меня с любопытством, - но я уверен, что его можно простить за то, что его здесь нет. А теперь не могли бы вы рассказать мне немного более подробно, когда вы провалились в этот сон, я имею в виду дату?"

"Ну, прошлой ночью, конечно; я так и сказал, не так ли? То есть, если только я не проспал целый день. Великие небеса! этого не может быть; и все же у меня странное ощущение, что я долго спал. Это был день украшения, когда я лег спать".

"День украшения?"

"Да, в понедельник, 30-го".

"Простите, 30-го числа чего?"

"Ну, в этом месяце, конечно, если только я не проспал весь июнь, но этого не может быть".

"Этот месяц - сентябрь".

"Сентябрь! Ты же не хочешь сказать, что я спал с мая! Боже на небесах! Да ведь это невероятно".

"Посмотрим", - ответил мой спутник. "Вы говорите, что это было 30 мая, когда вы легли спать?"

"Да."

"Могу я спросить, какого года?"

Несколько мгновений я тупо смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова.

"Какого года?" - наконец слабо отозвался я эхом.

"Да, какого года, будьте любезны? После того, как вы мне это скажете, я смогу сказать вам, как долго вы спали."

"Это был 1887 год", - сказал я.

Мой спутник настоял, чтобы я сделал еще глоток из стакана, и пощупал мой пульс.

"Мой дорогой сэр, - сказал он, - ваши манеры указывают на то, что вы человек культуры, что, как я знаю, ни в коем случае не было само собой разумеющимся в ваше время, как сейчас. Тогда, без сомнения, вы сами сделали наблюдение, что ничто в этом мире нельзя по-настоящему назвать более чудесным, чем что-либо другое. Причины всех явлений одинаково адекватны, и результаты, конечно, одинаково важны."

То, что вы будете поражены тем, что я вам скажу, вполне ожидаемо; но я уверен, что вы не позволите этому чрезмерно повлиять на ваше хладнокровие. Вы выглядите как молодой человек, которому едва исполнилось тридцать, и ваше физическое состояние, кажется, не сильно отличается от состояния человека, только что пробудившегося от несколько слишком долгого и глубокого сна, и все же это десятый день сентября 2000 года, и вы проспали ровно сто тринадцать лет, три месяца и одиннадцать дней."

Чувствуя себя частично ошеломленным, я выпил чашку какого-то бульона по предложению моего спутника и, сразу же после этого почувствовав сильную сонливость, погрузился в глубокий сон.

Когда я проснулся, в комнате был яркий дневной свет, но вовремя разговора ранее комната была искусственно освещена. Мой таинственный хозяин сидел рядом. Он не смотрел на меня, когда я открыл глаза, и у меня была хорошая возможность изучить его и поразмышлять о моей необычной ситуации, прежде чем он заметил мое пробуждение.

Мое головокружение полностью прошло, и мой разум был совершенно ясен. История о том, что я проспал сто тринадцать лет, которую в моем прежнем слабом и сбитом с толку состоянии я принял без вопросов, теперь вернулась ко мне только для того, чтобы быть отвергнутой как нелепая попытка обмана, мотив которой невозможно было даже отдаленно предположить.

Несомненно, произошло что-то экстраординарное, что послужило причиной моего пробуждения в этом странном доме с этим неизвестным спутником, но мое воображение было совершенно бессильно предложить что-то большее, чем самые смелые предположения о том, что это могло быть вправду. Может быть, я стал жертвой какого-то заговора?

Это выглядело так, и все же, если мое понимание человеческого лица когда-либо давало свои плоды, то было ясно, что этот человек рядом со мной, с таким утонченным и простодушным лицом, не был участником какого-либо плана преступления или безобразия. Затем мне пришлось в голову задаться вопросом, не могу ли я стать объектом какой-то тщательно продуманной шутки со стороны друзей, которые каким-то образом узнали секрет моей подземной камеры и воспользовались этим средством, чтобы поразить меня опасностью месмерических экспериментов.

На пути этой теории стояли большие трудности; Соьер никогда бы меня не предал, и у меня вообще не было друзей, способных предпринять такую шутку; тем не менее предположение, что я стал жертвой розыгрыша, казалось в целом единственно правдоподобным. Наполовину ожидая увидеть какое-нибудь знакомое лицо, ухмыляющееся из-за стула или занавески, я внимательно оглядел комнату. Когда мой взгляд в следующий раз остановился на моем спутнике, он уже смотрел на меня.

"Вы прекрасно вздремнули двенадцать часов, - бодро сказал он, - и я вижу, что это пошло вам на пользу. Вы выглядите намного лучше. У вас хороший цвет лица и чистый взгляд. Как вы себя чувствуете?"

"Я никогда не чувствовал себя лучше", - сказал я, садясь.

"Вы, без сомнения, помните свое первое пробуждение, - продолжал он, - и ваше удивление, когда я сказал вам, как долго вы спали?"

"Вы, кажется, сказали, что я проспал сто тринадцать лет".

"Вот именно".

"Вы согласитесь, - сказал я с иронической улыбкой, - что история была довольно неправдоподобной".

"Экстраординарно, я признаю, - ответил он, - но при современных технологиях эта история не невероятна и не противоречит тому, что мы знаем о состоянии транса. При трансе, как в вашем случае, жизненно важные функции полностью приостанавливаются, и ткани не потребляют впустую энергию. Нельзя устанавливать никаких ограничений на возможную продолжительность транса, когда внешние условия защищают тело от физических травм.

Этот ваш транс действительно самый продолжительный, о котором есть какие-либо достоверные записи, но нет известной причины, по которой, если бы вас не обнаружили и если бы камера, в которой мы вас нашли, оставалась нетронутой, вы, возможно, не оставались бы в состоянии анабиоза до конца неопределенных веков Постепенное охлаждение земли разрушило телесные ткани и освободило дух".

Я должен был признать, что, если я действительно был жертвой розыгрыша, его авторы выбрали замечательного агента для осуществления своего навязывания. Впечатляющие и даже изысканные манеры этого человека придали бы достоинства аргументу о том, что Луна сделана из сыра. Улыбка, с которой я смотрел на него, когда он выдвигал свою гипотезу о трансе, казалось, ни в малейшей степени не смутила его.

"Возможно, - сказал я, - вы продолжите и посвятите меня в некоторые подробности относительно обстоятельств, при которых вы обнаружили эту комнату, о которой вы говорите, и ее содержимое. Я люблю хорошую художественную литературу".

"В данном случае, - последовал серьезный ответ, - никакая выдумка не может быть более странной, чем правда. Вы должны знать, что все эти годы я лелеял идею построить лабораторию в большом саду рядом с этим домом для проведения химических экспериментов, к которым у меня есть вкус. В прошлый четверг наконец-то начались раскопки погреба.

К вечеру все было закончено, и в пятницу должны были прийти каменщики. В четверг вечером у нас был ужасный ливень, а в пятницу утром я обнаружил, что мой подвал превратился в лягушачий пруд, а стены совсем размыло. Моя дочь, которая вышла посмотреть на катастрофу вместе со мной, обратила мое внимание на угол каменной кладки, обнаженный обвалившейся одной из стен.

Я очистил от него немного земли и, обнаружив, что он кажется частью большой массы, решил исследовать его. Рабочие, за которыми я послал, раскопали продолговатый свод примерно в восьми футах под поверхностью и установили в углу того, что, очевидно, было стенами фундамента древнего дома. Слой пепла и древесного угля на верхней части свода свидетельствовал о том, что дом наверху погиб от пожара.

Само хранилище было совершенно неповрежденным, цемент был таким же хорошим, как и при первом нанесении. В нем была дверь, но мы не могли взломать ее и нашли другой вход, убрав одну из каменных плит, которые образовывали крышу. Поднимавшийся воздух был застоявшимся, но чистым, сухим и не холодным. Спустившись с фонарем, я оказался в квартире, обставленной как спальня в стиле девятнадцатого века. На кровати лежал молодой человек.

То, что он был мертв и, должно быть, мертв уже сто лет, конечно, принималось как должное; но необычайная сохранность тела поразила меня и коллег-медиков, которых я вызвал, с изумлением. Мы не должны были верить, что искусство такого бальзамирования когда-либо

было известно, однако это казалось убедительным свидетельством того, что наши непосредственные предки владели им. Мои коллеги-медики, чье любопытство было сильно возбуждено, сразу же высказались за проведение экспериментов, чтобы проверить природу используемого процесса, но я воздержался от них.

Моим мотивом при этом, по крайней мере, единственным мотивом, о котором мне сейчас нужно говорить, было воспоминание о чем-то, что я когда-то читал о том, до какой степени ваши современники культивировали тему животного магнетизма. Мне пришло в голову, что вполне возможно, что вы можете находиться в трансе и что секрет вашей телесной целостности после столь долгого времени заключается не в мастерстве бальзамировщика, а в жизни внутри транса.

Эта идея показалась настолько фантастичной даже мне, что я не рискнул вызвать насмешки моих коллег-врачей, упомянув об этом, а привел какую-то другую причину для отсрочки их экспериментов. Однако, как только они оставили меня, я предпринял систематическую попытку реанимации, результат которой вам известен".

Если бы его тема была еще более невероятной, обстоятельство этого повествования, а также впечатляющие манеры и личность рассказчика могли бы ошеломить слушателя, и я начал чувствовать себя очень странно, когда, когда он заканчивал. После конца рассказа я случайно увидел свое отражение в зеркале, висящем на стене комнаты.

Я встал и подошел к нему. Лицо, которое я увидел, было лицом с точностью до волоска и ни на день не старше того, на которое я смотрел, завязывая галстук перед тем, как пойти к Эдит в День украшения, который, как этот человек хотел заставить меня поверить, отмечался сто тринадцать лет назад. При этом колоссальный характер мошенничества, которое пытались совершить против меня, вновь овладел мной. Возмущение овладело моим разумом, когда я осознал, какая возмутительная вольность была допущена.

"Вы, вероятно, удивлены, - сказал мой спутник, - увидев, что, хотя вы на столетие старше, чем, когда вы ложились спать в той подземной камере, ваша внешность не изменилась. Это не должно вас удивлять. Именно благодаря полной остановке жизненно важных функций вы пережили этот великий период времени. Если бы ваше тело могло претерпеть какие-либо изменения во время вашего транса, оно бы давно подверглось разложению".

"Сэр, - ответил я, поворачиваясь к нему, - каковы могут быть ваши мотивы, когда вы с серьезным лицом рассказываете мне об этом замечательном фарраго (фр. смесь), я совершенно не в состоянии догадаться; но вы, несомненно, сами слишком умны, чтобы предположить, что кто-либо, кроме слабоумного, может быть обманут этим. Избавьте меня от этой изощренной чепухи и раз навсегда скажите мне, отказываетесь ли вы дать мне вразумительный отчет о том, где я нахожусь и как я сюда попал. Если это так, я продолжу выяснять свое местонахождение сам, кто бы ни препятствовал".

"Значит, вы не верите, что сейчас 2000 год?"

"Вы действительно считаете необходимым спрашивать меня об этом?" Я повернулся к собеседнику.

"Очень хорошо", - ответил мой необыкновенный хозяин. "Поскольку я не могу убедить вас, вы должны убедить себя сами. Вы достаточно здоровы, чтобы последовать за мной наверх?"

"Я так же здоров, как бык", - сердито ответил я. "Что мне, возможно, придется доказать, если эта шутка пойдет еще дальше".

"Я буду сопровождать вас, сэр, - был ответ моего спутника, - чтобы помочь вам, после того, как вы убедитесь, что мои слова правдивы".

Тон озабоченности, смешанный с сочувствием, с которым он это сказал, и полное отсутствие каких-либо признаков обиды на мои горячие слова, странно обескуражили меня, и я последовал за ним из комнаты с необычайной смесью эмоций. Он повел нас вверх по двум лестничным пролетам и затем по более короткой лестнице, которая привела нас к бельведеру (небольшая башенка) на крыше дома.

"Будьте любезны оглядеться вокруг, - сказал он, когда мы вышли на платформу, - и скажите мне, действительно ли это Бостон девятнадцатого века".

У моих ног лежал великий город. Мили широких улиц, затененных деревьями и застроенных прекрасными зданиями, по большей части не сплошными кварталами, а расположенными на больших или меньших участках, тянулись во всех направлениях. В каждом квартале были большие открытые площади, засаженными деревьями, среди которых блестели статуи и сверкали фонтаны в лучах послеполуденного солнца.

Общественные здания колоссальных размеров и архитектурного величия, не имевшие аналогов в мое время, возвышались своими величественными сводами со всех сторон. Конечно, я никогда раньше не видел ни этого города, ни другого, сравнимого с ним. Подняв наконец глаза к горизонту, я посмотрел на запад. Эта голубая лента, уходящая к закату, разве это не был извилистый Чарльз (река близ Бостона)? Я посмотрел на восток; Бостонская гавань простиралась передо мной в пределах своих мысов, не пропуская ни одного из знакомых зеленых островков.

Тогда я понял, что мне сказали правду о том потрясающем событии, которое со мной произошло.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/83668/2684129>